

Публикация *Е. Г. Пивоварова*

Переписка **Б. Л. Бразоля** с семьей великого князя **Кирилла** **Владимировича**

Библиотека Конгресса США считается крупнейшим научным учреждением за пределами России, хранящим кириллические материалы. На протяжении десятков лет ее сотрудники целенаправленно приобретали личные архивы эмигрантов и их организаций, позволяющие проследить историю русской диаспоры в Америке с момента ее зарождения до наших дней. Коллекции, переданные в библиотеку Борисом Львовичем Бразолем (1885–1963), а именно бумаги возглавляемого им Общества имени А. С. Пушкина в Америке и его персональный архив¹, — самые крупные собрания, сложившиеся в период между двумя мировыми войнами, во время формирования русской общины в Новом Свете.

Как известно, до 1917 г. иммиграция из Российской империи в Соединенные Штаты была преимущественно еврейской и польской. Представители угнетаемых этносов враждебно относились к царизму. Многие были членами различных леворадикальных партий и течений. Подавляющее же большинство считало страну исхода «тюрьмой народов», поэтому быстро ассимилировалось. Второе поколение переселенцев, как правило, уже никак не ассоциировало себя с покинутой их родителями родиной, плохо знало русский язык, не интересовалось русской культурой, православием, критически относились к монархической форме правления. Бразоль писал:

Пивоваров Евгений Григорьевич

д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Россия)

«Разрозненные и немногочисленные национально настроенные элементы группировались почти исключительно вокруг Русской православной церкви, которая, будучи с момента мартовской революции лишена всякой помощи из России, сама влачила жалкое нищенское существование»².

Все изменил октябрь 1917 г. Социалисты и анархисты возвращались строить «новый мир» на руинах старого порядка. Навстречу им устремился расширяющийся поток «бывших»: финансистов, чиновников, офицеров, ученых и инженеров, людей состоятельных, образованных и консервативных. Для многих из них уваровская триада стала символом веры, лозунгом, объединяющим в борьбе с атеизмом, большевизмом и интернационализмом. Бразоль был одним из ярчайших представителей этой волны эмиграции. Неутомимый устроитель различных политических и культурных организаций, мероприятий и изданий. Непримиимый враг «иудо-масонов» «в любом их облики». Не знающий отдыха публицист, — только с 1920 по 1922 г. он, возглавляя «антикоммунистический еженедельник “Правое дело”», сумел написать и издать три объемных тома, в которых «вскрывается преступная и еврейская сущность революции в России»³. На протяжении нескольких десятилетий он оставался одним из наиболее влиятельных представителей русской диаспоры в США.

Поскольку биография Бразоля достаточно хорошо изучена, хотя некоторым интернет-изданиям не стоит излишне доверять, упомяну лишь важные этапы его жизненного пути: благородное происхождение (из старинного казако-старшинского рода), первоклассное образование (юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета), быстрый карьерный взлет (прокурор г. Торопца Псковской губернии, затем в том же чине переведен в Петергоф, после этого — в столицу на должность судебного следователя одного из ее участков). С началом Первой мировой войны он стал военным следователем на Польском фронте. После ранения эвакуирован в Петроград, где продолжил работать в Высшей следственной комиссии. В мае 1916 г. командирован в США в качестве юрисконсульта русского заготовительного комитета. После революции остался в Америке, работал советником по русскому и европейскому законодательству в нескольких американских фирмах, сотрудничал с Министерством юстиции, выступил представителем России на конференции союзных держав в Нью-Йорке. Во время пребывания в США написал несколько книг на английском языке, посвященных политике, культуре, философии и криминологии.

Его личный архив (64 контейнера, 22 тыс. единиц хранения)⁴, который передавался в Библиотеку Конгресса с 1938 по 1959 г. отдельными сериями, включает документы на русском и английском языках. Это собрание достаточно условно можно разделить на две примерно равных по объему части: 1) наследие Бразоля — общественного деятеля и 2) его наследие как литературоведа. Первая из них включает политическую корреспонденцию 1920–1940-х годов, обзоры его антибольшевистских сочинений и обширные базы данных, касающиеся еврейского вопроса. Переписка Бразоля 1921–1924 гг. с великим князем Кириллом Владимировичем (1876–1938) (письма № 3, 5), его братом Андреем (1879–1956) (№ 1) и супругой Викторией Федоровной (1876–1936) (№ 4) хра-

нится в первом контейнере коллекции в отдельной папке «Разное. Андрей. 1922»⁵. Составители описания коллекции ошибочно датировали это портфолио только одним годом, корректнее: сентябрь 1921 — декабрь 1924 г.

Все письма, кроме одного (№ 4), на русском языке. Дореволюционные орфография и пунктуация первоисточников осовременены. Сохранены текстуральные погрешности, имеющие смысловое значение. Устранены лишь очевидные опечатки. Курсивное начертание использовано для выделения в отпечатанных на машинке документах фрагментов, вписанных от руки. Сохранено оригинальное заглавное или строчное начертание букв в названиях регионов, стран, организаций и титулов. В квадратных скобках приводится текст, дописанный публикатором. В комментариях к письмам уточнены хронология и взаимосвязь событий, даны краткие биографии главных действующих лиц и представлена общая характеристика созданных ими учреждений. Некоторые из перечисленных персонажей («герцогиня Дюшон», «Г.», «лицо, указанное мною на стр. 8, под № 7» и т. п.) остались, к сожалению, неизвестны, как и часть более или менее эфемерных монархических организаций, упомянутых Бразодем (Офицерский и Русский крестьянский союзы в Америке и Канаде).

Тематика отобранных мною документов: консолидация монархического движения вокруг Кирилла Владимировича, создание подконтрольных ему антибольшевистских организаций, поиск источников для их долгосрочного финансирования, проведение подрывной деятельности на территории СССР, перипетии поездки Виктории Федоровны в США, реакция американской общины и русской диаспоры на первые проекты и начинания ближайшего окружения самопровозглашенного императора. В настоящую публикацию включено только одно письмо Андрея Владимировича Бразолю (№ 2), наиболее развернутое, подробное и откровенное. Остальные, посвященные исключительно поискам следов «царских вкладов» в Америке, будучи яркими документами эпохи, не слишком информативны. Приведу лишь два отрывка из них, напрямую связанные с содержанием текстов, включенных в данную подборку.

5 апреля 1922 г. Андрей уведомлял своего американского корреспондента: «Великая княгиня Ксения Александровна⁶ писала мне по этому поводу, что, по мнению Барка⁷ и Гр. Коковцова⁸, все слухи о капитале ни на чем не основаны, а курьер в письме ко мне прибавил, что и кн. В. С. Кочубей⁹ тоже не верит в этот слух. Кн. В. С. Кочубей основывает свое сомнение на том, что в самом начале войны Государь говорил ему, что приказал перевести все капиталы обратно в Россию и выразил надежду, что и кн. Кочубей сделал то же самое»¹⁰. 24 марта 1922 г. Андрей предложил Бразолю стать его официальным представителем в Америке: «В вопросе об имуществе Государя Императора я уже принял ряд шагов, но ежели мне не удастся заполучить доверенность, то не мог бы я Вам выдать доверенность от своего имени, и ежели это возможно, то пришлите мне проект такой доверенности»¹¹.

Несомненно, «общее безденежье» — центральная тема всей переписки. Уже в первом письме Бразоль патетически восклицает: «Если бы в нашем распоряжении был бы хотя бы незначительный фонд в размере не более ста тысяч долларов, мы были бы в состоянии, при наличии выкованной нами

организации, внести ужасы разрушения в ряды противника»¹². Все попытки «добывать средства» «чисто коммерческим путем», по-видимому, были не особенно успешны. Поиск «капиталов» «Хозяина» — Николая II в Америке не дает никаких результатов, но привлекает внимание темных личностей, разного рода авантюристов, общение с которыми приходится скрывать от благопристойных дам из элитного Monday Opera Club. Поездка «императрицы» в США закончилась скандалом. Американская (в трактовке Бразоля — «еврейская») пресса настроена враждебно к «русской национальной идее». Американские финансисты готовы заплатить 35 тыс. долларов за мемуары Виктории Федоровны, но не хотят спонсировать прожекты Кирилла Владимировича.

Хуже всего то, что «ужасы разрушения» наблюдаются в рядах самих монархистов. Вместо «организации целого ряда активных выступлений вдоль полосы отчуждения Восточно-китайской железной дороги, а также партизанских выступлений на территории Забайкалья и Монголии»¹³ — доносы, «недостойные интриги», происки «николаевских групп», «бездеятельность и слабость». Крах легитимисткой утопии стал очередной важной вехой в жизни Бразоля. Разумеется, он не предал свои идеалы, до конца жизни оставался противником советского строя, однако после 1924 г. перестал активно заниматься политической публицистикой. Сферой его интересов вновь становятся криминалистика и история русской литературы. Ненавидимый им режим оказался жизнеспособнее, чем он и его единомышленники рассчитывали. Если «иудо-большевики» уничтожили самобытную культуру и православие на родине, их сохранение в изгнании — вот новая миссия русской эмиграции.

И самый важный вопрос, который возникает после чтения этих писем: насколько советские спецслужбы были осведомлены об этой деятельности? И как сложились судьбы «отдельных лиц, групп и объединений, верных лозунгам, поднятым... Императорским Высочеством», оказавшихся не в «Богом хранимой Америке», а чуть ближе к границам СССР?

№ 1

Письмо Б. Л. Бразоля — великому князю Андрею Владимировичу
Нью-Йорк 12 сентября 1921 г.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

Великому князю Андрею Владимировичу

Полковник Николай Сергеевич Полушкин¹⁴ сообщил мне, что Вы изволили заинтересоваться русской национальной работой в Соединенных Штатах. Названный штаб-офицер посоветовал мне, как лицу, возглавляющему ряд русских организаций здесь, лично осветить Вашему Императорскому Высочеству затронутый Вами вопрос в кратком докладе, к коему я и приступаю.

До 1918 года русской национальной работы в Соединенных Штатах положительно не существовало. Разрозненные и немногочисленные национально настроенные элементы

группировались почти исключительно вокруг Русской Православной Церкви, которая, будучи с момента мартовской революции лишена всякой помощи из России, сама влачила жалкое нищенское существование. Посольство формации Керенского¹⁵, вполне понятно, систематически сторонилось всего того, что носило национальный характер, предавшись ревностному «углублению революции» среди русской колонии в Америке. Поворотным пунктом в жизни здешних русских явилось выступление адмирала Колчака, которое раскололо всю колонию на два резко отчерченные лагеря: антибольшевистский и большевистский. К последнему примкнули, кроме большевиков, также и социалисты разных толков и поверий, анархисты, бежавшие из русских тюрем уголовные и политические преступники и вообще вся «краса и гордость» международной еврейской эмиграции. Руководящая работа антибольшевистского характера была взята на себя Офицерским Союзом и Русским Крестьянским Союзом в Америке и Канаде. В то время, однако, соображения тактики заставляли национально настроенные организации воздерживаться от слишком откровенного исповедования их монархического символа веры. Дело в том, что то была эпоха полного шатания русской политической мысли, когда революционный угар еще не успел рассеяться, когда еще многие малодушные верили в какие-то «завоевания» революции, когда большинство было убеждено, что она, «великая и бескровная», знаменует собою какую-то новую и счастливую эру в русской жизни. В то время ужас революции еще не успел проявиться во всем своем отталкивающем безобразии, и даже большевизм казался многим не более как случайным, скоропреходящим «недоразумением» на фоне общего демократического благополучия. При таком почти что поголовном и уже, конечно, массовом психозе о монархии приходилось говорить осторожно, ибо опрометчивая монархическая пропаганда в тот жуткий период могла бесповоротно скомпрометировать самый принцип монархизма. Однако даже тогда Офицерский Союз не упускал ни одного случая, чтобы разоблачать перед русской колонией преступную, еврейско-масонскую сущность керенщины, не говоря уже о том, что именно этот союз впервые объявил беспощадную борьбу с иудо-большевизмом.

1919 год был годом кристаллизации русской национальной идеи не только в толще русской колонии, но и среди ее вожаков. Спешно происходил «естественный подбор», на поверхность начали выплывать свежие элементы, и в то же время весь революционный хлам начал сдаваться в архив. В массе началось пробуждение. Русские люди как будто почувствовали, что их обманули, что их толкают в какую-то бездну, из которой нет возврата. И масса, отхлынув от революционных лозунгов и лидеров, остановилась на распутье, еще не понимая, куда ей надлежит двинуться и где искать спасения. В этот критический момент на политическую авансцену выступили национальные вожди, причем здесь нельзя не упомянуть с особым удовлетворением о самоотверженной работе православных русских пастырей, особенно архиепископа Александра Североамериканского и Алеутского¹⁶.

Начало открытой монархической работы было положено в 1920 году, когда группа русских людей, возглавляемая лично мною, основала Союз «Единства Руси», печатный устав коего при сем имею честь приложить. Весьма знаменательно то, что первоначально под монархический стяг стали стекаться русские крестьяне и рабочие, и только много месяцев спустя, а именно лишь в ноябре 1920 года, образовалось Русское Национальное Общество, в состав коего вошли монархически настроенные элементы русской интеллигенции. В настоящее время Союз «Единства Руси», которого я состою председателем со дня его образования, ведет монархическую пропаганду среди низших классов здешнего русского населения. В числе его членов немало духовных лиц, очень немного интеллигенции, главная же масса членов — крестьяне и рабочие, среди коих немало бывших большевиков, социалистов и анархистов. Союз, конечно, организация не показная, но он творит важную и нужную работу, будя в простых русских людях любовь к прежней, то есть Царской России, неизменно подчеркивая еврейский характер «русской» революции и одновременно

закладывая в них здоровое национальное основание. Деятельность Союза главным образом выражается в устройстве массовых митингов, в открытой борьбе с местными большевиками и социалистами, в устройстве лекций национально-патриотического и популярно-научного содержания, в публичных выступлениях в американской прессе по вопросам русской политики, в сношениях с федеральным правительством, в формировании опытного кадра национальных работников из состава членов Союза и проч. Хотя работа Союза известна в разных странах, тем не менее она сознательно локализуется мною территориию Америки. Это делается вследствие того, что более широкая организационная работа, распространяющаяся на все страны, принята на себя Русским Национальным Обществом. Председателем его состоит генерал-лейтенант К. В. Сахаров¹⁷, который в настоящее время по делам нашего объединения уехал в Европу. Временно Русское Национальное Общество возглавляю я. Эта организация не только исповедывает открыто монархическую программу, но и стала на путь открытой контрреволюционной деятельности. Наши люди работают в советской России. Мы держим организационную связь со всеми монархическими и контрреволюционными организациями по всему миру. Издательская деятельность Русского Национального Общества ведется на двух языках — русском и английском. Русские и английские бюллетени рассылаются по всему миру. Сотни тысяч экземпляров наших бюллетеней питают целый ряд балканских и дальневосточных организаций. Английские бюллетени бесплатно посылаются всем американским сенаторам и членам Конгресса, а равно во все американские правительственные учреждения и во главнейшие органы американской прессы. За короткий срок мы успели создать крепкий и правильно функционирующий контрразведочный аппарат. Служба связи с монархическими организациями в советской России налаживается, но на этом пути мы встречаем почти непреодолимые затруднения в связи с крайним недостатком средств. Если бы в нашем распоряжении был бы хотя бы незначительный фонд в размере не более ста тысяч долларов, мы были бы в состоянии, при наличии выкованной нами организации, внести ужасы разрушения в ряды противника. Болтовня совершенно исключена из программы нашей работы, ибо мы убеждены, что Россию именно п р о б о л т а л и¹⁸. Лично мне приходится выступать на ответственных американских митингах, но делаю я это лишь в случаях крайней необходимости, когда решается какой-нибудь большой вопрос русской политики, так, например, вопрос о признании или непризнании советского правительства, вопрос о торговле с большевиками и т. д. Мною ведется и серьезная публицистическая работа, главным образом путем английских книг на темы, имеющие непосредственное касательство к историческим судьбам России. За последние полтора года мною выпущено три книги¹⁹, из которых первая «Социализм против Цивилизации» (на английском языке), — местною радикальною прессою прозвана «Катехизисом антисоциализма». В последней моей книге, недавно вышедшей из печати, «Мир на распутье» (на английском языке), вскрывается преступная и еврейская сущность революции в России и дается анализ современного международного положения, которое рассматривается в свете трех основных факторов: мировой войны, Версальской конференции и работы третьего интернационала. В основу этого труда положены документы секретного характера, на получение и разыскание коих пошло немало энергии.

Так как мы являемся действенной организацией по преимуществу, мы отказываемся мириться с отсутствием средств и начинаем добывать таковые чисто коммерческим путем, для чего мы создали целый коммерческий отдел в составе нашего монархического объединения. Первое наше коммерческое предприятие «Русский Национальный Книжный Склад» после трех месяцев упорной работы начал уже приносить прибыль.

В настоящее время мы заняты расширением этого предприятия и с этою целью создаем акционерный капитал, который позволит нам в дополнение к Нью-Йоркскому отделу открыть отделения склада в провинции. Впервые за все существование Америки

стараниями Русского Национального Общества образована американская организация, состоящая исключительно из американцев, для пропаганды идеи необходимости восстановления монархии в России. Мы придаем большое значение этой работе, лежащей на обязанности Американско-Русского Общества, так как невозможно не считаться с фактом, что в течение долгих десятилетий еврейская пресса, которая здесь так сильна, систематически вела враждебную России пропаганду, главной целью коей было дискредитировать в умах американцев монархический строй у нас на родине. К сожалению, пропаганда эта глубоко внедрилась в толщу американского общественного мнения. Нам приходится вести борьбу с закоренелым предубеждением среднего американца против самых священных заветов нашей истории. Нам удалось сгруппировать вокруг нас американское ядро, которое является проводником наших идей в широкие круги американского общества. Преимущество в таком построении то, что, когда мы, русские, говорим американцам о монархии, они тотчас же отвечают нам, что мы смотрим на русский вопрос с узко партийной точки зрения, и что нами руководят корыстные мотивы. Иначе они относятся к таким же самым идеям, ежели они высказываются американцами же.

В заключение считаю долгом доложить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, что здесь делается все возможное в ограниченных человеческих силах, чтобы пробудить в русских людях любовь к единственно мыслимой нами России — к России Царской, все возможное, чтобы сплотить этих людей не только на говорильной почве, но и на почве активной, реальной, беспощадной борьбы с нашим противником, все доступное нам, чтобы пробудить в широких слоях американского общества интерес и сочувствие к трагической судьбе нашей родины и объяснить, что именно ввергло Россию в омут сверхчеловеческого страдания.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА всепреданнейшим слугою остаюсь
Б. Л. Бразоль

Источник: Boris Brasol — Andrei Vladimirovich, September 12, 1921 // Library of Congress. Manuscript Division. The papers of Boris Brasol. Container 1. Portfolio Miscellaneous. Sub portfolio Correspondence J. Andrei 1922 (машинописанный подлинник, подпись — автограф).

№ 2

Письмо великого князя Андрея Владимировича — Б. Л. Бразолю
[Адрес не указан], 4 мая 1922 г.

Многоуважаемый Борис Львович,

Только что получил Ваше письмо от 22 Апреля с. г.

С тех пор как я впервые встретил Г., не только я его больше не видал, но даже не могу определить, куда он девался. Мне он ни разу не писал, и след его простыл. Но отзывы его ближайшего начальства крайне неблагоприятны для него и в общем схожи с Вашей оценкой, что это просто авантюрист, а некоторые лица характеризовали его более резко. Но это вопрос один, важно то, что он говорил и какая у него могла быть цель столько наворотить, где доля истины сплеталась с выдумкой или просто ложью. Никаких реальных выгод все это ему принести не могло, да он и не добивался ровно ничего. Одно время я боялся, что он проберется в Данию²⁰ и там использует свои сведения для материальных выгод, но он туда

не ездил и не писал. Надо еще отметить, что до сих пор он нигде никому ничего не говорил по этому вопросу. Как он мне обещал тайну свято хранить, так он и делает. Для авантюриста, надо сознаться, все это очень странно. Ежели Вам удалось бы собрать хоть какие-нибудь данные относительно самого Г., так и относительно того, что он говорил, это могло пролить свет на всю эту захватывающую историю, где, мне все же кажется, доля истины была. Не могу не скрыть от Вас, что вся эта история легла тяжким моральным бременем на меня. Ближайшие родственницы, от которых я не имел право скрывать все, что до меня дошло, постоянно запрашивают меня, нет ли новых данных по этому делу, а что я могу им ответить. Выходит, как будто я их обнадежил, а теперь эту надежду убиваю. Хотя я и предупреждал, что сведения, переданные Г., требуют проверки и на веру их принимать не следует, но все же это известие их всех очень смутило. Вот почему я был бы так рад, ежели Вы могли бы пролить хоть малый луч света на все это.

Лицо, указанное мною на стр. 8, под № 7, прибыло сюда из Владивостока с официальным поручением от тамошнего правительства для выяснения некоторых вопросов. Лично я это лицо не видал, но знаю его хорошо по прежней службе. На одном из своих докладов он говорил про Семен Ивановича²¹ и подтверждал печальную его кончину на основании имеющихся у правительства данных. Лично я теряю надежду когда-либо увидеть Семен Ивановича.

Очень жаль, что Вы не знакомы с № 7, ибо его приезд, насколько мне известно, связан с вопросом о той стране, в которой Вы живете, в смысле помощи и отношений. Мне казалось бы, что практичнее было, чтоб едущий из Владивостока в Европу по дороге беседовал с Вами.

Переходя к вопросу о капитале, считаю необходимым остановиться на нем подробнее. В письме моем от 24 марта я Вам писал, что ежели доверенности от моего имени было бы достаточно, то таковую я бы выслал, но по этому вопросу Вы мне никакого ответа не даете.

После отправки Вам последнего письма я получил некоторые косвенные указания, подтверждающие возможность помещения капиталов в Америке, а также подтверждающие, что ни Баркет²², ни Гр. Коковцев, ни Кн. Кочубей об этом могли и не знать. Оказывается, были капиталы Личной канцелярии, коими распоряжался начальник канцелярии²³ по личным указаниям Хозяина²⁴. Никакому контролю эти капиталы не подвергались, и никакое ведомство об этих капиталах не знало. Все вершилось, как указано между Хозяином и начальником канцелярии. Вполне допустимо, что именно эти капиталы были помещены в Америке, помимо ведения Барка, Гр. Коковцева, Кн. Кочубея /уделы/, и даже Мин[истерства] Имп[ераторского] Дв[ора]. На этот путь меня навел бывший начальник канцелярии Мин[истерства] Имп[ераторского] Дв[ора] А. А. Мослов²⁵, знавший все, что происходило в этих сферах. Хотя он лично никогда об этом не слышал, но документально мне доказал, что ни из Мин[истерства] Имп[ераторского] Дв[ора], ни из Кабинета эти суммы не могли быть переведены. Остается последнее предположение, что капиталы были переведены из Личной канцелярии. Но, зная, насколько лично Хозяин был против заграничных помещений капиталов, можно допустить, что перевод был сделан помимо воли Хозяина, с какой гипотезой согласен и Мослов, зная хорошо характер бывшего начальника означенной Личной канцелярии, способного, как он говорит, именно такую операцию сделать без ведома хозяина. Проверить это теперь трудно, ибо Нач[альник] Канцелярии умер и нет налицо никого из его ближайших помощников, но мне обещали все же постараться справки навести.

Потеряв, как я Вам писал, надежду убедить ближайших наследников начать это дело, а Вы мне не отвечали на вопрос о том, могу ли я лично выступить в этом деле, у меня остался единственный путь, который и использовал, чтоб поставить все это дело на правильный путь. Не знаю, известно ли Вам, что в Париже проживает личный секретарь «Семен Ивановича»²⁶, у которого полная доверенность от С. И. Как это ни странно, но этот секретарь пользуется этой доверенностью в полной мере и производит все банковые и иные операции от имени

С. И. Первым делом я к нему обратился с вопросом, может ли он выступать от имени С. И. и имеет ли он доверенность. В ответ он мне прислал эту доверенность и подтверждение, что доверенность имеет силу. Тогда я его осторожно запросил, не слышал ли он что-либо о капиталах, и в ответ получил довольно подробное указание, что имеет много данных по этому вопросу. Из этой переписки выяснилось, что он в курсе дела, вероятно со слов Вел[икой] Кн[ягини] Ксен[ии] Алекс[андровны], что и навело меня на следы, оставленные в Лондоне Вашим злополучным курьером, разболтавшим всю эту историю. Но раз Вел[икая] Кн[ягиня] Ксен[ия] Алекс[андровна] нашла возможным довериться секретарю С. И., то я уже обратился к нему с просьбой взяться за это дело. Он попросил у меня документы, которых я ему, однако, не дал, а послал лишь выписки без фамилий и иных подробностей. Теперь он мне ответил, что сообщенные ему мною сведения он уже имел, опять подтверждение, что курьер эти документы показывал, иначе они у него не могли быть, их проверяет и вскоре Вам лично напишет по этому поводу. Должен Вас предупредить, что этого секретаря Алексея Сергеевича Матвеева я лично знаю как вполне порядочного человека, каковое мнение подтверждают все его знающие, безусловно глубоко предан С. И. и на него можно положиться.

Надо полагать, что вскоре он Вам лично напишет по этому делу, и из этой переписки Вы лично усмотрите, что можно предпринять. Мне бы очень хотелось, чтоб все дело велось через Вас лично и Вы бы держали контроль над всем и одновременно держали бы меня в курсе дела. Теперь, ежели бы на практике, доверенность этого секретаря оказалась бы оспоримой, то нужно вернуться к вопросу, мог бы я выступить в этом деле. Кроме того, прошу сообщить, какая минимальная сумма необходима для начатия дела. Этот вопрос очень сложен, при общем безденежье нужно отыскать эти деньги или взять в кредит под такое дело. В конце мая буду в Париже и постараюсь этот денежный вопрос наладить, но убедительно прошу ответить по существу этого письма, чтоб мне знать, поручать ли дело Матвееву или же брать его в свои руки, и какая сумма необходима для этого.

Вас же прошу продолжать розыски по этому делу. Обратите внимание на одну существенную деталь. Борис Бахметев всюду указывается как финансовый агент Государя. В присланных Вами документах это указание повторяется несколько раз. Очень возможно, что Бахметев и действительно был финансовым агентом именно Личной канцелярии, почему ему и было известно о помещенных в Америке капиталах. Ведь он предпринял розыски, согласно документам, с первого же дня своего прибытия в Америку, значит, он знал об этом до телеграммы из Петрограда. Это обстоятельство следовало бы проверить.

От К. я получил предлинное письмо, развивающее ту же тему, которую Вы мне передаете с его слов. Письмо произвело на меня удручающее впечатление как набор всяких благовидных предлогов от дела отмахнуться. Все эти конференции служат такими удобными для него предложениями, но по существу поставленных мною вопросов он не отвечает. Вместе с тем мне доподлинно известно, что в правительственных кругах вовсе не так смотрят на этот вопрос, как он силится мне это доказать, почему я и вывожу заключение, что он ничего не знает и ничем не интересуется. Ввиду его скорого приезда сюда я рассчитываю с ним поведаться и тогда выясню насколько возможно обстановку. Обстановка действительно сложная, но далеко не так безнадежна, как у него выходит.

Очень надеюсь, что Вы лично сможете приехать в Европу, о чем все искренно мечтают для выяснения столь назревших и жгучих вопросов.

Напоминаю, что вопрос о Буймирове²⁷ Вы оставили без ответа, хотя лично его подняли в одном из Ваших писем.

Искренно Уважающий Вас, Андрей, *prince наследный*.

Источник: Andrei Vladimirovich — Boris Brasol, May 4, 1922 // Library of Congress. Manuscript Division. The papers

of Boris Brasol. Container 1. Portfolio Miscellaneous. Sub portfolio Correspondence J. Andrei 1922 (машинописный подлинник, подпись — автограф).

№ 3

Письмо Б. Л. Бразоля — великому князю Кириллу Владимировичу Нью-Йорк, [без даты, не раньше сентября 1922 г.]

Ваше Императорское Высочество,

Обсудить совместно все вопросы, связанные с предстоящей работой лиц, групп и объединений, отозвавшихся на Обращение Вашего Императорского Высочества к Русскому Народу и Российскому Воинству²⁸, позволяем себе почтительнейше доложить наше единодушное решение и мнение по этому вопросу:

А/ Дабы предстоящая работа могла принять вполне организованный характер и дать наибольшие результаты при затрате наименьших сил и средств, необходимо, по нашему мнению, создание, по личному назначению Вашего Императорского Высочества, центра, задача которого руководить и направлять работу всех отдельных лиц, групп и объединений, верных лозунгам, поднятым Вашим Императорским Высочеством.

Центр, казалось бы, должен быть сосредоточен в одном месте, по указанию Вашего Императорского Высочества.

Согласуясь с требованием обстановки и характера предстоящей работы, центр должен состоять из: А) Отдела военного, ведающего: 1. Связью с военными организациями и частями; 2. Военной Разведкой и контрразведкой; 3. Формированием новых военных организаций; 4. Учетом военных элементов за границей; 5. Разработкой планов возможных активных деланий; Б) Отдела политического, ведающего: 1. Связью с существующими политическими организациями; 2. Политической разведкой и контрразведкой; 3. Формированием новых политических организаций; 4. Руководством пропагандой, которая должна разделяться в свою очередь на 3 отдела: а. пропаганды в Советской России и связи с ней; б. пропаганды в беженских кругах; в. пропаганды в иностранных кругах; В) Отдела дипломатического, ведающего: 1. Ведением необходимых переговоров иностранными державами; 2. Созданием связи с иностранными группами и организациями, нам сочувствующими и могущими быть нам полезными; Г) Отдела финансового, ведающего: 1. Изысканием средств; 2. Учетом и подготовкой финансовых иностранных групп к организационной работе по экономическому восстановлению России после падения большевизма.

Б/ Для облегчения работы лиц, верных Вашему Императорскому Высочеству, является желательным назначение официальных представителей Вашего Императорского Высочества во всех крупных беженских центрах и местах русского расселения.

Таких представителей в каждом центре желательно не менее двух: а. Представителя гражданского, ведающего функциями отделов дипломатического и финансового, и б. Представителя военного, ведающего на местах функциями отделов военного и политического.

Нет сомнения, что лица, официально назначенные Вашим Императорским Высочеством и имеющие благодаря этому возможность опираться на высокий Авторитет Вашего Имени, будут в состоянии работать более успешно, чем это им удавалось до сих пор.

В/ Дабы поддержать то благоприятное настроение в массах, которое было вызвано Обращением Вашего Императорского Высочества к Русскому Народу и Российскому Воинству, считаем крайне желательным ведение самой интенсивной пропаганды словом и делом путем:

а. Обращени[я] Вашего Императорского Высочества, в дополнение к таковым к Русскому Народу и Российскому Воинству, затрагивающего [неразб.] и на Дальнем Востоке для передачи приветственного Слова от Имени Вашего Императорского Высочества и, если средства позволят, передачей хотя бы самых незначительных подарков.

в. Объявлени[я] воинским частям и лицам в лагерях в Европе и Северной Африке, что, с принятием Вашим Императорским Высочеством на Себя Блюстительства Государева Престола и Руководства работой по освобождению Родины будут предприняты энергичные меры к возможному облегчению материальных условий жизни указанных частей и лиц.

Г/ Дабы заручиться содействием какого-либо Государства, как в политическом, так и финансовом отношении, необходимо, по нашему мнению, будущим Дипломатическому отделу и Представителям Вашего Императорского Высочества предпринять соответствующие шаги в странах, сочувствующих росту Русского Монархического Движения, а именно: Франция, Испания, Югославия, Бавария, Соединенные Штаты и Сиам.

Д/ Для облегчения работы по пропаганде в иностранных кругах желательно завязать контакт с иностранными монархическими и национальными организациями Венгрии и Австрии.

Е/ Для облегчения вопроса получения Вашим Императорским Высочеством средств, нужных для ведения работы в широких масштабах [...]»²⁹.

Источник: Boris Brasol — Kirill Vladimirovich, [September 1922?] // Library of Congress. Manuscript Division. The papers of Boris Brasol. Container 1. Portfolio Miscellaneous. Sub portfolio Correspondence J. Andrei 1922 (машинописный подлинник; помета: 2 экз.).

№ 4

Письмо Б. Л. Бразоля — великой княгине Виктории Федоровне [Адрес не указан], 11 ноября 1922 г.

Великой княгине Виктории, Сен-Бриак, Франция.

Ваше Императорское Высочество,

Покорнейше прошу сообщить Вам, что, несмотря на тот факт, что я все еще не получил рекомендательные письма, которые были предназначены для отправки мне, я начал переговоры с некоторыми моими друзьями, призывая их оказать помощь делу, в котором Вы и Его Императорское Высочество Великий Князь Кирилл заинтересованы. Есть обнадеживающие признаки в отношении окончательного варианта исхода этих переговоров. Тем не менее пока нет ничего определенного, что бы имелось сообщить, я просто упоминаю этот факт, чтобы заверить Вас, что я делаю все, что в моих силах, для содействия делу, о котором говорилось выше.

Я ежедневно получаю письма от моих русских друзей, которые безгранично преданы Его Императорскому Высочеству Великому князю Кириллу, в которых они начинают выказывать озабоченность из-за отсутствия действий со стороны тех, кому Его Императорское Высочество поручил эту работу. Если Ваше Императорское Высочество помнит, я имел честь очень четко подчеркнуть первостепенную необходимость незамедлительного приятия манифестов 8 августа, следующих за целой серией других действий и мероприятий, которые бы уверили как русских, так и Россию, что большая и конструктивная работа действительно

ведется полным ходом и что Его Императорское Высочество желает проявить решимость и силу воли в своем руководстве, которое он так благородно взял на себя.

По сути, основное возражение против Высшего монархического совета³⁰ всегда основывалось на осознании их бездеятельности и слабости. В личном разговоре с Марковым³¹ накануне моего отъезда из Парижа я сформулировал свои основные возражения против органа, которым он руководил, изложив четыре следующих обвинения³²: Высший монархический совет не смог добиться сплоченности, в том числе и внутри Царской Семьи.

Источник: Boris Brasol — Victoria Fedorovna, November 11, 1922 // Library of Congress. Manuscript Division. The papers of Boris Brasol. Container 1. Portfolio Miscellaneous. Sub portfolio Correspondence J. Andrei 1922 (машинописный подлинник на англ. яз.; перевод автора публикации).

№ 5

Письмо Б. Л. Бразоля — великому князю Кириллу Владимировичу
Нью-Йорк, 22 декабря 1924 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ КИРИЛЛУ
ВЛАДИМИРОВИЧУ³³

Представителя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА в Соединенных Штатах Б. Л. БРАЗОЛЯ

Всепопданнейший Рапорт

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

События, предшествовавшие прибытию Государыни Императрицы в Соединенные Штаты, и кратковременное Ее пребывание здесь³⁴ в корне изменили политическую обстановку работы Легитимно-Монархического Центра в Америке и поставили все наши организации перед сложным и в настоящее время едва ли разрешимым положением.

Приемлю смелость вкратце напомнить Вашему Величеству, что именно привело меня к решению приложить все усилия к тому, чтобы Государыне была предоставлена возможность посетить Америку.

1. С точки зрения русской монархической работы в Америке я полагал, в полном согласии с моими ближайшими и вернейшими сотрудниками, что пребывание Государыни, хотя бы и кратковременное, в Соединенных Штатах вызовет среди масс русского населения здесь сильнейший энтузиазм, а через это будет облегчена основная задача легитимных центров — широкое объединение русских людей под стягом Законной Монархии.

2. С точки зрения русско-американских отношений, т. е. фактических отношений между ответственными русскими кругами в Америке и соответствующими американскими общественными группами, мне всегда представлялось, что Государыне было бы нетрудно повести дело так, чтобы нужные Вашему и Ее Величествам русские люди были введены в те круги американского общества, которые представляют в том или другом отношении наибольший интерес для Вас, Государь. При этом я полагал, что это сближение обеих групп, русской и американской, будет построено так, что последней будет дано понять, что первая пользуется безусловным доверием Ваших Величеств и что с мнением ее не

только считаются, но что Вы, Государь, и Августейшая Супруга Ваша поддержите Ваших верноподданных до конца. Лишь при такой поддержке, — так мне мыслилось, — сближение обеих групп оказалось бы не механическим знакомством отдельных русских с отдельными нужными Вам американцами, а органическим слиянием русско-американских интересов.

3. В отношении специально американской стороны дела три главных соображения побуждали меня желать и добиваться приезда сюда Государыни: а. что в связи с пребыванием Государыни в Америке американская всемогущая пресса провела благоприятную для чести России кампанию; б. что приезд Государыни закрепил бы за нами все позиции, взятые с бою в Русско-Американском Финансовом Синдикате³⁵, и в. что Государыня получила бы возможность непосредственно переговорить с теми американцами, которые представляют крупные финансовые комбинации, дружелюбно расположенные к идее восстановления Законной Монархии в России. Мне казалось, далее, что в отношении последнего пункта Государыне удастся добиться не только общих обещаний, но и немедленной реальной помощи.

Исходя из этих основных соображений, я начал медленно, издали, но систематически готовить приезд Государыни в Америку.

Работа в этом отношении протекала не без серьезных затруднений, но в общем к марту 1924 г. предварительные меры для осуществления намеченного плана были успешно заключены: *Monday Opera Club*, одно время относившийся более чем сдержанно к идее посещения Государыней Соединенных Штатов, наконец, после долгих колебаний, принципиально решил послать официальное приглашение Ее Императорскому Величеству пожаловать в качестве Гостя Клуба в Америку, а на осуществление этого мероприятия уполномочить г-жу Г. П. Лумис³⁶, одного из наиболее деятельных членов названного клуба. О сем я имел честь непосредственно доносить Государыне рапортом от 5-го марта 1924 г. Одновременно с сим я всеподданнейше ходатайствовал о спешной присылке мне инструкций для того, чтобы в проведении выработанного мной предварительного плана я мог бы действовать в полном согласии с желаниями Ваших Императорских Величеств. В том же рапорте я доносил, что г-жа Лумис предполагала отбыть в Европу в последних числах апреля месяца и что в связи с ее пребыванием там имелась возможность организовать центральный комитет для распределения денежной помощи между русскими беженцами в Европе под председательством Ее Императорского Величества. Это мне представлялось тем более важным, что мною были получены сведения, впоследствии вполне подтвердившиеся, что часть сумм, собранных на сей предмет *Monday Opera Club*, будут переданы в распоряжение некоторых европейских благотворительных организаций, явно враждебных принципам Легитимизма.

На этот рапорт я ответа не получил и инструкции мне присланы не были.

Уезжая в Европу, г-жа Лумис просила меня дать ей рекомендательное письмо к Ее Императорскому Величеству, что мною и было исполнено. Однако, по приезде в Париж, г-жа Лумис, по причинам, мною не вполне выясненным, с Государыней не снеслась, и чем дольше длилось ее пребывание в Европе, тем более становилось очевидным, что она подпала под влияние Маклаковой³⁷ и русской красно-крестной организации в Париже. О сем я был неоднократно поставляем в известность моими европейскими друзьями. Таким образом, я очутился перед необходимостью принять какие-то экстренные меры для предупреждения грозящего провала с таким трудом создавшегося плана.

К этому именно времени приурочивается начало моих переговоров с Русско-Американским Финансовым Синдикатом: детально обсудить с г. Фуллером³⁸ и графом Г. Б. Бергом, его секретарем и убежденнейшим легитимистом, программу деятельности Синдиката, я тотчас же поставил вопрос о необходимости для Синдиката помочь лично мне выехать в Европу для целого ряда политических выступлений, а равно для личного моего доклада Вашим Императорским Величествам в Кобурге, во время коего я и предполагал добиться согласия Государыни на приезд в Америку.

Г. Фуллер в общем отнесся сочувственно к моему предложению, но заявил, что у Синдиката нет никакого реального интереса к светской стороне пребывания здесь Государыни и что Синдикат интересуется лишь политической борьбой за восстановление Законного Строя в России.

Когда я закончил переговоры с Синдикатом, г. Фуллер авансировал потребные для моей поездки в Европу средства, но в то же время категорически отказал Джамгарову³⁹, секретарю *Monday Opera Club*, в его просьбе выдать ему на поездку 1500 долларов. Отказ этот г. Фуллер мотивировал тем, что Синдикат никакого отношения к *Monday Opera Club* не имеет, а посему никаких оснований для финансирования его работы не видит.

По приезде в Европу я тотчас же свиделся с г-жею Лумис, и после продолжительного разговора с нею мне удалось сдвинуть дело приглашения Государыни с мертвой точки. В этом отношении содействие мне было оказано как со стороны Джамгарова, приехавшего в Париж на несколько дней ранее меня, так и со стороны княгини В. К. Мещерской⁴⁰, которая получила от Государыни телеграфное полномочие представлять Ее Лицо в переговорах с г-жею Лумис.

Письменное приглашение Государыне от имени *Monday Opera Club* было формулировано мною и подписано г-жею Лумис. В этой именно редакции я повез приглашение в Кобург и лично вручил письмо г-жи Лумис Государыне, которая телеграфно через княгиню Мещерскую уведомила г-жу Лумис, что приглашение Ею принято.

С тем вместе, в бытность мою в Париже, по просьбе г. Фуллера я отправился к герцогине Дюшон, в отношении которой Синдикатом предполагалось, что она была бы чрезвычайно полезной в качестве одной из дам свиты Государыни. Не застав герцогиню в Париже, мне сообщили, что она находится в *St. Raphael, Var* куда я и послал письмо, копию коего я тогда же препроводил в Кобург. В письме этом от имени г. Фуллера я высказывал пожелание, чтобы герцогиня Дюшон по поводу поездки в Америку лично снеслась бы с Государыней, от которой бы окончательно и зависело, принять или не принять герцогиню в Свою свиту. Здесь я долго считая заметить, что герцогиня Дюшон была лишь одной из многих кандидатов, обсуждавшихся заинтересованными лицами, и вопрос об ее поездке в Америку был столь же мало определен, как и в отношении других кандидаток, например баронессы Буксхевден⁴¹, княгини Мещерской, Е. К. Орловой и М. К. Шевич. В этом отношении, разумеется по моей мысли, выбор должен был быть предоставлен на исключительное усмотрение самой Государыни.

Уезжая из Европы, я получил письмо от герцогини Дюшон, что по обстоятельствам, от нее не зависящим, ехать в Америку она не может, после чего я считал весь вопрос об ее кандидатуре исчерпанным окончательно. Возвращаясь в Америку, я заехал в Лондон, где мною в дополнение к личным переговорам в Кобурге была получена смета от графа В. А. Бобринскаго⁴² на шестимесячные расходы по содержанию наиболее ответственных легитимно-монархических организаций во всем мире, за исключением Америки, которая в смету включена не была. В соответствии с приподданными⁴³ ему Вашим Величеством указаниями, граф Бобринский настоятельно просил меня принять экстренные меры для ассигнования Синдикатом потребных на удовлетворение означенной сметы средств. На месте же, в Европе, я лично убедился в том, что работа целого ряда легитимных и, в частности, пограничных организаций тормозится исключительно благодаря полному отсутствию средств в Центре. Для меня сделалось ясно, что Центру во что бы то ни стало нужно предоставить деньги, особенно для усиления пограничной работы и подготовки серьезных контрреволюционных мероприятий в самой России.

Именно эти соображения побудили меня тотчас же по возвращении в Америку (19-го октября) вступить в переговоры с Синдикатом об ассигновании соответствующих средств в более или менее значительном масштабе. Эти переговоры, по существу чрезвычайно

сложные и кропотливые, длились около шести недель и закончились к 1-му декабрю 1924 г. блестящим успехом, а именно: Синдикатом было сделано первое ассигнование 250 000 долларов, из коих 50 000 долларов было тогда же передано на руки директору Синдиката, г. Фуллеру, для отправки в Кобург. В отношении оставшихся 200 000 долларов вопрос об их израсходовании окончательно решен не был, но мною разрабатывалась схема организации целого ряда активных выступлений вдоль полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги, а также партизанских выступлений на территории Забайкалья и Монголии. Разумеется, весь этот план был бы представлен мною в Центр для утверждения.

Однако, как раз в тот момент, когда я вел переговоры с Синдикатом, *Monday Opera Club* начал распространять слухи, что я более не являюсь представителем Вашего Величества в Соединенных Штатах и что поводом к моей отставке послужил незначительный инцидент с *Mrs. Shonto*, знакомой Фуллера, которая якобы сказала одной из дам [xxx]⁴⁴, что поездка Государыни в Америку финансируется Русско-Американским Финансовым Синдикатом. Этот слух дошел до г-жи Лумис, с которой я имел длинный и неприятный разговор, причем г-жа Лумис даже заявила, что при наличии подобных слухов *Monday Opera Club* принужден будет отказаться от приема Государыни в Америке. На мой вопрос, можно ли мне об этом телеграфно донести в Кобург, получил ответ, что в Кобург сообщать ничего не следует, ибо через несколько дней от того числа должно было состояться заседание распорядительного комитета *Monday Opera Club*, на коем окончательно и должен был быть решен вопрос о приезде Государыни в Америку. Однако на следующий день после моего разговора с г-жею Лумис Джамгаров позвонил ко мне по телефону и сказал, что вопрос о приезде Государыни может быть удовлетворительно разрешен при том условии, если я добровольно подам в отставку. На это я ему снова повторил, что вопрос о моей отставке может быть решен только Кобургом и что я по этому поводу пошлю Вашему Величеству телеграфное донесение. Джамгаров, однако, тотчас же изменив тон разговора, сказал мне, что лучше всего никаких каблеграмм до заседания распорядительного комитета *Monday Opera Club* не посылать, что я ему и обещал и, разумеется, выполнил.

Заседание распорядительного комитета состоялось, и из косвенных источников я был уведомлен, что все члены комитета отнеслись к инциденту с г-жею *Shonto* так, как и надлежало отнестись, а именно как к одной из нелепых дамских сплетен, распространявшихся в Нью-Йорке в связи с ожидавшимся прибытием сюда Государыни.

Однако, несмотря на это решение, из *Monday Opera Club* продолжали исходить сведения относительно непрочности моего положения как представителя Вашего Величества, а также, что Государыня будто бы находится в оживленных сношениях с г-жею Лумис, игнорируя как меня лично, так и Русский Легитимно-Монархический Центр в Америке⁴⁵.

В то же время, вопреки неоднократным заверениям как Джамгарова, так и г-жи Лумис, серьезная американская пресса, и в особенности *The New York Times*, не говоря о бульварных газетах, в отношении Вашего Величества и Государыни приняла неприязненный и явно агрессивный тон. Попытка моя снести по этому поводу с г-жею Лумис потерпела неудачу, ибо она письмом уведомила меня, что в связи с приездом Ее Величества в Америку ей со мной, как с политическим представителем Ваших Императорских Величеств, говорить не о чем, и что она будет говорить со мной лишь при том условии, что она получит на сей предмет инструкцию от Государыни. Одновременно с сим на мой телеграфный запрос Ваше Величество соизволили ответить, что Вы настаиваете на том, чтобы я отстранился от всякого участия в организации приема Государыни, что поставило нас всех в крайне тяжелое положение, косвенно подтверждая слухи, исходящие из сфер *Monday Opera Club*. Эти слухи, конечно, сейчас же были учтены Синдикатом, который заявил мне, что при создавшемся недоверии Кобурга ко мне он принужден воздержаться от пересылки денег на удовлетворение сметы графа Бобринского впредь до получения доказательств, что как

Ваше Величество, так и Государыня мне безусловно доверяете. В то же время Синдикат на протяжении нескольких дней трижды подтвердил, что в политической схеме Русского Легитимно-Монархического движения он считает мое личное участие не только желательным, но и безусловно необходимым. Одно из писем по этому поводу в копии имею честь всеподданнейше при сем представить.

Это именно и вызвало посылку моей каблеграммы от 2-го декабря в Кобург, на которую я был 4-го декабря удостоен ответом Вашего Величества, опровергавшим распространявшиеся здесь слухи и подтверждавшим необходимость заключения переговоров по смете. Ответ сей тотчас же был предъявлен мною г. Фуллеру, который был им вполне удовлетворен и сказал, что последнее слово остается сказать Ея Величеству.

Незадолго перед приездом Государыни я обратился к начальнику Нью-Йоркской полиции с конфиденциальным вопросом о том, были ли предприняты *Monday Opera Club* какие-нибудь шаги для охраны Личности Государыни. На это начальник полиции мне сообщил, что никаких распоряжений по этому поводу он ни от кого не получал и из Вашингтона директив на сей предмет не имеет. Тогда я просил его тотчас же приступить к выработке плана охраны, что и было исполнено по его приказанию старшим полицейским инспектором Нью-Йоркской полиции при ближайшем моем содействии. Равным образом, по наведенным мною справкам, группа г-жи Лумис не приняла мер к достойному снятию с парохода Государыни Императрицы и, в частности, не сделала того, что неизменно практиковалось в Нью-Йорке при прибытии коронованных особ, а именно на Карантинной Гавани Государыня встречена не была и Ее не сняли на яхту или катер для доставления непосредственно на пристань. Далее *Monday Opera Club* не озаботился организацией встречи Государыни мэром города Нью-Йорка.

Между тем это представлялось вполне возможным, в то время как отсутствие официальной встречи явилось досадным нарушением твердо сложившейся традиции и было тотчас же истолковано врагами нашего движения в том смысле, что муниципальные власти демонстративно игнорируют пребывание в Нью-Йорке Высокой Гостьи.

За несколько дней до приезда сюда Ея Императорского Величества политическая обстановка осложнилась еще и тем, что Николаевские группы⁴⁶, малочисленные по составу, предприняли закулисную агитацию в кулуарах редакций американских газет. Редакции же, не получая никаких политических директив от американцев, начали печатать всевозможные клеветнические статьи как о личности Ваших Императорских Величеств, так о характере и целях Русского Легитимно-Монархического движения.

Под влиянием именно этой обстановки Русский Легитимно-Монархический Центр в Америке 24-го ноября с. г. послал на подпись всех членов Центра подробную каблеграмму графу Бобринскому, причем Центр полагал, что при наличности вышеописанной конъюнктуры приезд Государыни практически представлялся бы бесполезным, и заключительная часть означенной каблеграммы гласила следующим образом:

Если Императрица, несмотря на наши настоятельные советы, решит посетить Соединенные Штаты, мы искренне заявляем, что единственным решением для Ее Величества, телеграфирует Бразоль, будет то, что она пожелает, чтобы Американский комитет точно согласовал все обстоятельства ее прибытия с представителем Его Величества в Америке⁴⁷.

На эту каблеграмму ответа не последовало.

Одновременно, благодаря настояниям г-жи Лумис, ни Военному Представителю Вашего Величества, ни мне не была дана возможность встретить Государыню на Карантине. Копии писем по этому поводу русского генерального консула М. М. Устинова⁴⁸, а также Департамента Казначейства на имя М. М. Устинова при сем прилагаются. Несмотря на все вышеописанные затруднения, Русский Легитимно-Монархический Центр в Америке принял все меры к тому, чтобы по прибытии в Нью-Йорк Государыня была должным образом

приветствована русскими людьми и чтобы бестактности, допущенные г-жею Лумис, не были истолкованы непосвященными в это дело русскими общественными организациями как нежелание Государыни допустить к Своей Особе русских людей, или же — что еще хуже — умышленное их игнорирование.

Раздраженные сознательным устранением всех нас от высокой чести организации приема, русские люди примерно за неделю до прибытия Государыни начали громко роптать на *Monday Opera Club*. С своей стороны как лично я, так и другие члены Легитимного Центра отдали категорическое приказание всем подведомственным нам организациям оставаться абсолютно спокойными и ни под каким видом агрессивных мер против Джамгарова не принимать. Несмотря на это приказание, один из членов Союза Государевых Людей⁴⁹, мичман князь Юрий Сергеевич Шаховский⁵⁰, написал по своей личной инициативе личное письмо членам *Monday Opera Club*, в копии при сем прилагаемое. О факте написания им этого письма он пришел лично доложить мне через сутки после отправления писем. С моей стороны это его действие вызвало суровое осуждение, но предотвратить случившееся я, разумеется, не мог. В воскресенье, 7-го декабря, когда я имел счастье сделать первый доклад Государыне, я подробно доложил Ей об этом инциденте, но судя по тому, что Государыня сказала мне 11-го декабря, я заключаю, что моим словам веры дано не было и что Государыня продолжает предполагать, что лично я инспирировал письмо князя Шаховского.

7-го же декабря, на первом докладе, коснувшись вопроса о Синдикате, я доложил Ее Императорскому Величеству, что деньги на работу ассигнованы и что отсылка их в Париж на текущий счет Вашего Императорского Величества зависит лишь от того, будет ли Государыней подчеркнута в американских кругах, что я по-прежнему не только номинально, но и фактически являюсь Представителем Ваших Императорских Величеств. В то же время я объяснил, что Синдикат никаких гаранторных требований к Кобургу не предъявляет и что деньги будут пересланы даже не лично мною, а через нейтральное подставное лицо. Государыня на это соизволила приказать денег от Синдиката не принимать и, несмотря на неоднократные мои ходатайства, от свидания, хотя бы тайного, с директором Синдиката отказалась.

В дополнение к сему Государыня не соизволила пожелать моего присутствия хотя бы на одном американском приеме, в то время как Джамгаров в прессе все время фигурировал не только в качестве личного секретаря Ея Величества, но даже в иных случаях «*as the official host of the Duchess*»⁵¹. Газетные вырезки по этому поводу при сем всеподданнейше присоединяю к моему докладу.

Для того чтобы хотя как-нибудь сгладить острые углы враждебной пропаганды в прессе, дружественно расположенная к России американская писательница *Miss Helen Hoffman* предприняла переговоры с *Philadelphia Public Ledger and Curtis Publishing Syndicate*⁵² (контролирующий *The Saturday Evening Post*, еженедельный тираж — около 4 000 000 экземпляров, и сорок провинциальных газет в Америке с примерным кругом читателей до 5 000 000 человек) о предоставлении Государыне возможности напечатать ряд очерков в виде Ее личных мемуаров, что бы дало возможность правдиво осветить широким слоям американцев истинный характер Старой Царской России и в то же время наметить основные вехи будущего возрождения России под стягом Законной Монархии. К этому проекту, по причинам вполне понятным, я отнесся очень сочувственно и представил *Miss Hoffman* Ее Величеству. [Неразб.] синдикат послал в Нью-Йорк одного из своих вице-президентов, который явился к Государыне с готовым контрактом, принятие коего дало бы в личное распоряжение Государыни около 35 000 долларов. По совету г-жи Лумис и вопреки моим горячим настояниям Государыня соизволила принятие этого контракта отклонить.

Вместе с тем 15-го декабря с. г., накануне отъезда Государыни, Она в присутствии г-жи Лумис в течение двух часов изволила высказывать свое неодобрение по поводу моих

действий как Представителя и также соизволила сообщить г-же Лумис содержание каблеграммы Русского Легитимно-Монархического Центра от 24-го ноября, назвав наши действия «*unworthy intrigue*»⁵³. Подробности этой последней беседы, естественно, Ее Величество Сама сообщит Вам при свидании.

Прямым результатом Высочайших преуказаний о Синдикате явилось то, что этот последний прекратил свою денежную помощь

- А) Русскому Легитимно-Монархическому Центру
- Б) газете «Правое дело»
- В) Обществу Офицеров Императорской Армии и Флота

С тем вместе ассигнованные Синдикатом деньги в настоящее время для легитимного движения могут считаться утраченными.

Мне очень тяжело обо всем этом докладывать Вашему Величеству, но обстановка властно требует, чтобы Центр был поставлен в известность о создавшихся затруднениях. Вместе с тем, спокойно и по чистой совести оценивая личное мое политическое положение, как оно сложилось под влиянием пребывания здесь Государыни, и принимая в соображение, что действия мои в присутствии посторонних и иностранных лиц подверглись суровому осуждению со стороны Ее Императорского Величества, я прихожу к заключению, что служба моя в качестве Представителя Вашего Величества долее не может принести никакой пользы. Равным образом я считаю себя обязанным дать возможность другому, более достойному лицу на иных уже основаниях, по преуказаниям Вашего Величества, продолжать возглавление в Соединенных Штатах работы для восстановления Родины и водворения в ней законного строя.

На основании вышеизложенного обращаюсь к Вашему Императорскому Величеству с всеподданнейшим ходатайством освободить меня от обязанностей Представителя Вашего Величества в Соединенных Штатах.

В заключение счастлив доложить Вашему Величеству, что русские люди разных общественных организаций, разных достатков, принадлежащие к различным общественным группировкам, горячо приветствовали Ее Императорское Величество в бытность Ее в Нью-Йорке и доказали американскому общественному мнению, что вокруг Знамени Легитимизма собираются широкие слои русской эмиграции, в настоящее время рассеянной по всему лицу вселенной. Газетные вырезки по поводу этих русских приемов присоединяю к сему докладу.

Вашего Императорского Величества Представитель в Соединенных Штатах

Б. Л. БРАЗОЛЬ

Источник: Boris Brasol — Kirill Vladimirovich, December 22, 1924 // Library of Congress. Manuscript Division. The papers of Boris Brasol. Container 1. Portfolio Miscellaneous. Sub portfolio Correspondence J. Andrei 1922 (машинописный подлинник).

¹ Подробную биографию Б. Л. Бразоля и описание коллекций см. в: *Pivovarov E. G. The Papers of Boris Leo Brasol and the Pushkin Society in America in the Manuscript Division of the Library of Congress // Journal of American Ethnic History. 2003. Vol. 23, no. 1. P. 85–92.*

² Boris Brasol — Andrei Vladimirovich, September 12, 1921 // Library of Congress. Manuscript Division (further — LCMD). The papers of Boris Brasol. Container 1. Portfolio Miscellaneous. Sub portfolio Correspondence J. Andrei 1922.

³ Ibid.

⁴ LCMD. The papers of Boris Brasol. 64 containers.

- ⁵ Ibid. Container 1. Portfolio Miscellaneous. Sub portfolio Correspondence J. Andrei 1922.
- ⁶ Великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960) — дочь Александра III, до смерти матери жила в Дании.
- ⁷ Петр Львович Барк (1869–1937) — последний министр финансов Российской империи в 1914–1917 гг.
- ⁸ Владимир Николаевич Коковцов (1853–1943) — министр финансов в 1904–1905 и 1906–1914 гг.
- ⁹ Виктор Сергеевич Кочубей (1860–1923) — адъютант цесаревича Николая, начальник Главного управления уделов Министерства императорского двора и уделов.
- ¹⁰ Andrei Vladimirovich — Brasol, April 5, 1922 // LCMD. The papers of Boris Brasol. Container 1. Portfolio Miscellaneous. Sub portfolio Correspondence J. Andrei 1922.
- ¹¹ Andrei Vladimirovich — Brasol, March 24, 1922 // Ibid.
- ¹² Brasol — Andrei Vladimirovich, September 12, 1921 // Ibid.
- ¹³ Brasol — Kirill Vladimirovich, December 22, 1924 // Ibid.
- ¹⁴ Николай Сергеевич Полушкин (?–1962) — полковник лейб-гвардии Измайловского полка. Эмигрировал в США. Вероятно, был связан с семьей Кирилла Владимировича через брата, Александра Сергеевича (1877–1963), капитана 1-го ранга Гвардейского экипажа, эмигрировавшего через Югославию в Америку.
- ¹⁵ Имеется в виду посольство под управлением Бориса Александровича Бахметева (1880–1951). В июне 1917 г. он был назначен послом Временного правительства в США. После Октябрьской революции остался в Америке. 30 июня 1922 г. вышел в отставку.
- ¹⁶ Александр Алексеевич Немоловский (1876–1960) — в 1909 г. рукоположен в епископа Аляскинского. С 1917 г. исполнял обязанности архиепископа Алеутского и Североамериканского. В 1919 г. избран правящим епископом Североамериканской епархии. В 1922 г. уехал из Америки.
- ¹⁷ Константин Вячеславович Сахаров (1881–1941) — участник Белого движения. В марте 1920 г. эмигрировал в Японию, затем — в США. По его инициативе в Нью-Йорке было образовано Русское национальное общество, в которое вошли правые общественные деятели. С октября 1920 г. — в Германии. Высказывал симпатии к фашизму. См. его книгу: *Сахаров К. В. Белая Сибирь*. Мюнхен, 1923.
- ¹⁸ Разрядка в оригинале.
- ¹⁹ *Brasol B. L.*: 1) Socialism vs. Civilization. New York: Charles Scribner's Sons, 1920; 2) The world at the cross roads. London: Hutchinson, 1921; 3) The balance sheet of sovietism. New York: Duffield, 1922.
- ²⁰ Супруга Александра III Мария Федоровна (1847–1928) в 1919 г. эвакуирована в Великобританию, откуда переехала в Данию.
- ²¹ Т. е. про великого князя Михаила Александровича.
- ²² Т. е. Барк.
- ²³ Александр Сергеевич Танеев (1850–1918) — в 1896–1917 гг. главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией. Отец Анны Вырубовой.
- ²⁴ Т. е. Николая II.
- ²⁵ Александр Александрович Мослов (1854–1939) — в 1900–1916 гг. начальник канцелярии Министерства императорского двора, находился в близком окружении Николая II.
- ²⁶ Алексей Сергеевич Матвеев (1871–1952) — адвокат, управляющий делами великого князя Михаила Александровича Женат на сестре Н. С. Брасовой — его морганатической супруги. После октября 1917 г. — в эмиграции в Париже.
- ²⁷ Владимир Владимирович Буймистров (1882–1948) — секретарь принца А. П. Ольденбургского и принцессы Евгении Максимилиановны. С 1916 г. управляющий Двором принца. После революции — представитель А. В. Колчака в Вашингтоне и особо уполномоченный Российского общества Красного Креста в Северной и Южной Америке. В 1920-е годы — председатель Американского общества помощи русским беженцам.
- ²⁸ После известия о гибели царской семьи Владимировичи попытались возглавить русское монархическое движение. 8 августа 1822 г. в курортном местечке Сен-Бриаке во Франции был обнародован «Акт о принятии великим князем Кириллом Владимировичем блостительства

российского императорского престола». В тот же день он выпустил и упоминающееся в переписке «Обращение к российскому воинству» (*Граф Г. К. Августейший блюститель государева престола государь великий князь Кирилл Владимирович*. Мюнхен, 1922. С. 27–28).

²⁹ Фрагмент письма утрачен.

³⁰ Высший монархический совет — организация русских эмигрантов, созданная в 1921 г. на курорте Рейхенгалль в Баварии. Н. Е. Марков стал его первым председателем. На съезде 29 мая — 6 июня была принята программа, в которой монархия была провозглашена единственным путем к возрождению России. Вопрос о престолонаследии был признан несвоевременным, поскольку не было известно о судьбе царской семьи. После образования Совета во многих странах мира стали появляться его представительства. 16–22 января 1922 г. в Париже прошел второй съезд организации.

³¹ Николай Евгеньевич Марков (1866–1945) — с 1910 г. председатель главного совета Союза русского народа. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов. Участник Белого движения. В 1920-х годах — в эмиграции. С 1922 г. связан с семьей Кирилла Владимировича.

³² В тексте перечисление отсутствует.

³³ 13 сентября 1924 г. в Кобурге Кирилл Владимирович провозгласил себя «императором всероссийским», Андрей Владимирович активно поддерживал старшего брата, являлся августейшим представителем Кирилла I во Франции, а 19 ноября 1924 г. стал председателем Совещания по вопросам об устройении Императорской России при императоре Кирилле I. Многие эмигранты отказались признавать притязания Владимировичей на престол. Вдовствующая императрица и ее дочь Ксения Александровна с негодованием восприняли его поступок.

³⁴ В 1924 г. Виктория Федоровна отправилась в путешествие в США, надеясь получить помощь для восстановления монархии, однако поддержки она не получила. В *New York Times* появилась очень негативная статья о Кирилле Владимировиче. См. об этом: *Sullivan M. J. A Fatal Passion: The Story of Victoria Melita, the Uncrowned Last Empress of Russia*. Random House, 1997. P. 363–371.

³⁵ Интересно, что советские спецслужбы считали «Американ-Рашен Синдикат Инкорпорейшн» организацией, созданной сторонниками Кирилла Владимировича (см. об этом: *Дьяков Ю. Л., Колодникова Л. П., Бушуева Т. С.* Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью. По документам ВЧК — ОГПУ. М., 2012). Я не буду здесь повторять документально не подтвержденные мнения сторонников теории заговора о происхождении и целях Синдиката, — все желающие могут познакомиться с ними в Интернете. Прямых свидетельств причастности крупных американских финансистов к его созданию пока не найдено.

³⁶ Джулия Джозефина Стимсон Лумис (1861–1933) — одна из руководительниц *The Colonial Dames of America*, организации, состоящей из женщин, чьи предки служили в Британской Америке с 1607 по 1775 г.

³⁷ Мария Алексеевна (1877/79–1957) — сестра Василия Алексеевича Маклакова, назначенного Временным правительством послом во Франции. С 1917 г. жила с братом в Париже. Возглавляла Комитет временной помощи русским во Франции.

³⁸ Питер Джеймс Фуллер, директор Русско-Американского синдиката. Возможно, финансовый аферист. См., напр., письмо В. А. Бобринский — Г. А. Мейру, 28 января 1825 г.: «Ваше письмо от 7 января, а также письмо Фуллера от того же числа я получил. Мне чрезвычайно трудно было ответить Фуллеру, так как мы имели крайне противоречивые и крайне неясные сведения и не знаем происхождения денег, о которых он говорит, не знаем и состава синдиката, поэтому нам как центру, находящемуся непосредственно при Государе, невозможно вести непосредственные переговоры и просить денег. Можно попасть в очень неприятное и опасное для дела положение» (Государственный архив РФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 2. Л. 87).

³⁹ Возможно, один из представителей династии финансистов Джамгаровых, которые 1 октября 1917 г. продали свой банкирский дом и недвижимость в России и перевели все деньги в Европу.

⁴⁰ Далее идет речь о дочерях К. В. Струве, бывших фрейлинах великих княгинь: Вере Мещерской (1876–1949), Елене Орловой (1877–1957) и Марии Шевич (1878–1969).

⁴¹ София Карловна Буксгевден (1883–1956) — фрейлина императрицы Александры Федоровны. Сопровождала царскую семью в ссылку в Тобольск. Уехала в эмиграцию через Сибирь, Японию и Северную Америку. Жила в Копенгагене, Лондоне.

⁴² Владимир Алексеевич Бобринский (1867–1927) — депутат Государственной думы 2-го, 3-го и 4-го созывов. Примкнул к Белому движению, эмигрировал во Францию. Сотрудник канцелярии великого князя Кирилла Владимировича.

⁴³ Так в документе.

⁴⁴ Место заклеено.

⁴⁵ Представительство созданного в 1923 г. Русского легитимно-монархического союза.

⁴⁶ Имеются в виду сторонники великого князя Николая Николаевича (младшего), который 16 ноября 1924 г. стал руководителем Русского общевосточного союза. Отверг притязания Кирилла Владимировича на императорский титул.

⁴⁷ Текст телеграммы на английском. Перевод автора публикации.

⁴⁸ Михаил Михайлович Устинов (1860/62–1942) — с сентября 1913 г. русский генеральный консул в Нью-Йорке. Продолжал исполнять свои функции до 1925 г.

⁴⁹ Союз русских государевых людей имени ее императорского высочества великой княжны Киры Кирилловны — организация монархистов-легитимистов в 1920-х годах. Основные задачи: объединение эмигрантов, признававших претендентом на российский трон Кирилла Владимировича, пропаганда идей монархизма, подготовка выступлений против СССР.

⁵⁰ Юрий Сергеевич Шаховский (1896–1939 или позже) — участник Белого движения. В эмиграции в США — член Общества бывших русских морских офицеров в Америке.

⁵¹ В качестве официального распорядителя Великой княгини.

⁵² Крупнейшие американские издательские дома.

⁵³ Недостойной интригой (*англ.*).

Статья поступила в редакцию 18 мая 2019 г.

Рекомендована в печать 14 ноября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пивоваров Е. Г. Переписка Б. Л. Бразоля с семьей великого князя Кирилла Владимировича // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10, № 1. С. 241–262.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.117>

Сведения об авторе: Пивоваров Е. Г. — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (Санкт-Петербург, Россия); pivovaro@mail.ru

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5

FOR CITATION

Pivovarov E. G. 'Correspondence between B. L. Brasol and Grand Duke Kirill Vladimirovich's family', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020, pp. 241–262.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.117>

Author: Pivovarov E. G. — Dr. Sci. in History, Leading Research Fellow, St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Natural Sciences and Technology of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); pivovaro@mail.ru

St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Natural Sciences and Technology of Russian Academy of Sciences, 5, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Brasol B. L. *Socialism vs. Civilization* (New York, 1920).
- Brasol B. L. *The world at the cross roads* (London, 1921).
- Brasol B. L. *The balance sheet of sovietism* (New York, 1922).
- Dyakov Yu. L., Kolodnikova L. P., Bushuyeva T. S. *The protest movement in the USSR (1922–1931). Monarchist, nationalist and counter-revolutionary parties and organizations in the USSR: their activities and relations with the authorities. According to the documents of the Cheka — OGPU* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Graf G. K. *The most august guardian of the sovereign throne, Sovereign Grand Duke Kirill Vladimirovich* (Munich, 1922). (In Russian)
- Pivovarov E. G. 'The Papers of Boris Leo Brasol and the Pushkin Society in America in the Manuscript Division of the Library of Congress', *Journal of American Ethnic History*, vol. 23, no. 1, 2003.
- Sakharov K. V. *White Siberia* (Munich, 1923). (In Russian)
- Sullivan M. J. *A Fatal Passion: The Story of Victoria Melita, the Uncrowned Last Empress of Russia* (New York, 1997).

Received: May 18, 2019

Accepted: November 14, 2019